

МАШИНА ЗЛА — 1

Газета «Суть времени» №11, 16.01.2013, [ссылка](#)

Наряду с тем, что мы уже обсудили ранее, перестройка задействовала так называемую машину зла. Что это такое? Внятный ответ сходу дать сложно. Есть ощущение, что она существует. И что иногда ее осмеливаются использовать. Но никто и никогда не осмеливался задействовать ее так, как это сделали преступные перестройщики. Потому что «машина» эта подобна джинну из бутылки. Трудно выпустить джинна, но еще труднее загнать его обратно.

И все же — что такое «машина зла»? Для полноценного ответа на этот вопрос необходим короткий историко-психологический экскурс.

Спор о природе фашистской жестокости продолжается до сих пор. Те, кто отрицает исключительность этой жестокости, указывают и на жестокости Средневековья, и на жестокости Нового времени. Рассуждения их строятся так: «Да, фашисты с невероятной жестокостью истребляли евреев. Но турки с такой же жестокостью истребляли армян. И, между прочим, делали это во имя построения турецкой нации по лекалам Модерна — ведь именно Модерн привнес в мир не только гуманизм и прогресс, но и рациональность. Когда два народа не могут сосуществовать, один из них надо истребить — а как иначе? Если же от современности (Модерна, то есть) двинуться в архаику, столкнешься с такими жестокостями, что фашизм отдыхает».

Обходя стороной все то, что могло бы и впрямь поведать о природе фашистского зла, западные исследователи остановились в итоге на концепции исключительности зла, совершенного народом цивилизованным.

«Да, — сказали они, — ужасные зверства творились и до фашизма. Но их творили народы, не вовлеченные в цивилизованность (она же Модерн) как принципиально новое состояние рода человеческого. А немцы — это не только один из самых культурных, но и один из самых цивилизованных народов мира... Вы хотите сказать, что об исключительности тут речь не идет, что любой народ, глубоко трансформированный антропологической машиной под названием «цивилизация», может вдруг выдать на-гора такую аномалию зверства? Что, и англичане ее могут выдать? Но ведь не выдали!»

В своем фильме «Обыкновенный фашизм» Михаил Ромм показывает зрителю, что, в отличие от Германии, в Англии с ее демократической традицией фашиста Мосли били, бьют и будут бить. А значит, все дело в наличии демократической традиции.

Фактически о том же самом говорил и Томас Манн, настаивая на виновности немцев в произошедшем. Он писал: *«Политическое безволие немецкого понятия культуры... страшно отомстило за себя»*. Политическим безволием Манн называл бюргерский антидемократизм. Или, иначе — неготовность немецкого духа к политике, вытекающую из его несопричастности демократии.

Так постепенно сложилось понятие «немецкая вина» и все, что из него вытекало — прежде всего, необходимость искоренить ту немецкость («патологию немецкого духа»), которая породила фашизм. На этом и была основана вся стратегия денацификации, превратившая немцев в существ, похожих на помесь специфической зашуганности и затаенной ярости. И лишившая немцев всего того, на чем было основано их подлинное величие, их вклад в общечеловеческую бытийственность, их историческое своеобразие.

Искоренили ли в немцах Гитлера — неизвестно, будущее покажет. А вот то, что в них искоренили Шиллера, Гете и многое другое... Окончательный вердикт в этом вопросе, конечно, некорректен,

но опыт диалогов с современной Германией свидетельствует о том, что денацификаторы очень серьезно травмировали шиллеровский и гетевский пласт в немецкой душе.

Ровно то же самое Запад и наши либероиды как его «пятая колонна» хотели сделать с Россией. Наблюдения за демагогией Сванидзе, Млечина и особенно Пивоварова на передачах «Суд времени» не оставляют никаких сомнений в том, что целью десоветизаторов, декоммунизаторов, десталинизаторов и т. п. — является истребление русского духа, якобы ответственного за «злодеяния» некоего «тоталитаризма вообще».

Запад и его здешние полицаи хотели бы воспроизвести один к одному все технологии денацификации, назвав их технологиями десоветизации. Покаяние — оно же комплекс вины... оно же — комплекс исторической неполноценности... оно же — ломка всяческой идентичности... И так далее.

Вовсе не сталинский (по аналогии с гитлеровским) пласт в душе русского народа хотели истребить полицаи! Да и нет такого пласта: параллель между Гитлером и Сталиным вопиюще некорректна. Они хотели истребить тот пласт, который можно назвать пушкинско-чеховским. А вот тут аналогия вполне уместна. Пласт немецкой души и культуры, который можно назвать шиллеровско-гетевским (при всех спорах Шиллера с Гете), и пласт русской души и культуры, который можно назвать пушкинско-чеховским, — в чем-то действительно аналогичны. Конечно, настолько, насколько вообще возможна аналогия между столь разными народами и культурами.

Ведь неслучайно одна из героинь пакостного фильма Абуладзе «Покаяние», «преступно» воспевая «советский тоталитаризм», затягивает невесть с чего «Оду к радости» Шиллера! Ну, спела бы «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Так ведь нет — «Оду к радости». Почему? Вряд ли массовый зритель, взирая на нарушение фундаментальных человеческих запретов — выкапывание тела отца из могилы, задавался таким вопросом. Но Абуладзе и его консультанты делали фильм, ориентируясь на очень разные аудитории. И какая-то аудитория должна была понять, в чем дело.

«Ода к радости» Шиллера и Девятая симфония Бетховена — квинтэссенция исторического и антропологического оптимизма. Постмодернистское сопряжение «Оды к радости» с пытками в сталинских застенках — это не мелочь. Это часть большого процесса, который начался вскоре после того, как лопнул миф о произрастании фашизма из некой специфической «немецкости».

Надо сказать, что этот миф лопнул ровно тогда, когда ему полагалось лопнуть. Он, как мавр, сделал свое дело и должен был уйти. Немецкий народ уже «грохнули» с помощью жуткой денацификации, ударившей вовсе не по «нацистскому коду». Поэтому «миф об исключительной вине» надо было оставить для русских, дабы «грохнуть» их в ходе перестройки и постперестройки. Пусть либеральные полицаи, приставленные к русским, вопят об этой вине! А ну как удастся провести кого-то на этой мякине и убить и русский дух, и русскую душу под разговоры о покаянии? А ну как удастся еще и прописать русским демократизм как главное лекарство от их вины? Начнется грызня мелких и мельчайших криминальных кланов, распадется окончательно великая общность, неистребимо имперская по сути своей и благая именно по причине неистребимой имперскости. Куда как хорошо!

Но из обоймы глобальных технологий все, что связано с «исключительными винами за исключительные зверства», пора было вынимать. Почему? Потому что накопилось слишком много материала, свидетельствующего, что к зверствам тяготеют отнюдь не отдельные народы.

Поскольку весь этот материал изложить в принципе невозможно, ограничусь одним примером.

В 1963 году американский социальный психолог Стэнли Милгрэм описал в своей статье эксперимент, не оставивший камня на камне от концепции исключительной немецкой тяги к злу и насилию, якобы порожденной отсутствием демократической традиции в национальной культуре.

Милгрэм не ставил перед собой подобной задачи. Он, напротив, хотел дополнительно обосновать концепцию немецкой вины за фашизм, и с этой целью начал эксперимент в США, полагая, что в дальнейшем проведет этот же эксперимент в Германии и продемонстрирует немцам, чем они как недемократический народ отличаются от американцев как народа демократического. Милгрэм был убежден, что среднестатистического американца — представителя индивидуалистического сообщества, исповедующего демократические ценности, — фактически невозможно принудить к совершению актов насилия. Он хотел доказать сначала это. А затем доказать, что среднестатистического немца гораздо легче побудить к насилию, ибо в нем отсутствуют индивидуалистический и демократический код. Доказав же это, внести свою лепту в тему «исключительных вин за исключительные злодеяния».

Вкратце напомню читателю, в чем состояла суть давно уже ставшего знаменитым эксперимента Милгрэма.

Экспериментатор присваивал двум участникам роли: «учитель» и «ученик». А затем сообщал им, что исследуется влияние боли на память. «Учитель» должен был выдавать «ученику» несложные задачи на запоминание и при каждой ошибке наказывать «ученика», ударяя его током, начиная с 15 вольт (на самом деле никаких ударов током «ученик» не получал). При каждой новой ошибке «учитель» должен был увеличивать напряжение. Цена деления составляла 15 вольт. На шкале имелись надписи: «Слабый удар», «Умеренный удар», «Сильный удар» и т. д. В интервале от 435 до 450 вольт значилось «XXX», то есть «смертельно».

Экспериментатор, в соответствии с замыслом, проявлял непреклонность и жестко требовал, чтобы «учитель» продолжал эксперимент, невзирая на моральный дискомфорт (по мере увеличения напряжения «ученик» издавал все более отчаянные крики, перемежаемые мольбами о пощаде). При этом «учитель» осознавал, что если ослушается приказа экспериментатора, то никакого наказания не понесет.

Не только Милгрэм, но и все опрошенные им психиатры (39 человек) были убеждены, что большинство участников эксперимента не подчинятся давлению. Прогноз психиатров относительно того, какой процент испытуемых — нормальных, обыкновенных американцев — дойдет до отметки «XXX», был единодушным: на это способен лишь один из 1000 участников.

Однако результаты первого же пробного эксперимента в штате Коннектикут опрокинули данное представление: *«Я обнаружил столько повиновения, что не вижу необходимости проводить этот эксперимент в Германии»*, — констатировал Милгрэм. Из 40 участников в возрасте от 20 до 50 лет до 450 вольт дошли 65 % (26 человек).

В течение нескольких лет Милгрэм повторил свой эксперимент во многих городах США, но, независимо от пола участников, времени и места проведения, результат был примерно одинаковым. Это вынудило исследователя вынести крайне неприятный для американцев вердикт: *«Если бы в США были созданы такие же концлагеря, как те, что существовали в нацистской Германии, в любом американском городе средней величины нашлось бы достаточно людей для работы в них»*.

Впоследствии данный эксперимент был проведен во многих странах — с тем же результатом.

Эксперимент Милгрэма — лишь крохотная частица в базе доказательств того, что невозможно обусловить специфическими особенностями национальной культуры (национального духа) «исключительную национальную вину за исключительное насилие», осуществленное этой нацией. Но если таких «исключительных вин» нет, то в чем же тогда природа фашизма? И можно ли тут говорить о какой-то особой природе?

Пытаясь ответить на этот вопрос, итальянский режиссер Лилиана Кавани (чье имя получило известность главным образом благодаря фильму «Ночной портье») подступает к изучению темы

с помощью средств кино.

В 1962 г. Кавани смонтировала на итальянском телевидении четырехчасовую хронику «История Третьего рейха». В ходе монтажа рабочая группа просмотрела километры пленки, снятой немецкими операторами в концлагерях и на фронте, в СССР. По воспоминаниям Кавани, однажды группа была вынуждена прервать просмотр — у всех начинался приступ тошноты. *«Художники XIII века, пытавшиеся изобразить ад, были просто наивны, поняли мы. Произошел безусловный прогресс в деле жестокости...»* Работая над фильмом, Кавани пришла к выводу, что нацизм, эту «чуму Европы», невозможно понять и описать, используя привычный язык «хроники событий». *«Необходимо было пойти вглубь, провести обширное расследование... Упрощать в этом случае значило бы пособничать...»*.

Итак, Кавани обнаруживает, что уникальность явления под названием «фашизм» все-таки существует. И пытается выявить природу этой уникальности.

Отказавшись от концепции «исключительной вины, обусловленной исключительностью немецкой культуры», она в итоге цепляется за концепцию всечеловеческой вины за то, что злое начало в человеке сильнее доброго. Наиболее полно Кавани развертывает данный тезис в своем фильме «Ночной портье». Давая комментарии по поводу фильма, Кавани ссылалась на свои беседы с узниками Дахау и Освенцима, утверждавшими, что нацисты всего лишь показали человеку, на что он способен. Что жертва так же виновна, как и палач. Что человек непоправимо укоренен во зле, готовом высвободиться в любую минуту. Оказавшись в плену этой очевидно ложной концепции, Кавани заявляет: *«В нашем мире главенствует не добродетель, но преступление. Вот почему важнейшим для меня писателем остается маркиз де Сад. И я считаю, что его следует изучать в школе»*.

Почему я так уверенно называю ложной эту концепцию? Об этом — в следующей статье.

Конец текста